

Но внезапно он снова рассмеялся.

— Ну и что с того? Даже в таком случае она — единственная жена, которую признает мой Ху Тянь. К тому же, какое отношение дела нас, мужа и жены, имеют к посторонним? К тебе...

Словно желая еще больнее задеть ее за живое, Ху Тянь зловеще усмехнулся:

— Какое отношение это имеет к тебе, чужаку?

Пышная грудь Юху Хуаи тяжело вздымалась от частых вдохов, ее лицо совсем позеленело, а в словах, сорвавшихся с уст, проступила ядовитая злоба.

— Хорошо, хорошо, Ху Тянь, ну и жесток же ты. Мы еще посмотрим!

Бросив на него свирепый взгляд, она выплюнула:

— Я заставлю этого Шань Жуна узнать, сколь плачевна участь тех, кто смеет оскорблять клан Юху! Я, Юху Хуаи, клянусь стереть его в порошок, обратить в прах...

Не дожидаясь, пока она закончит свои проклятия, Ху Тянь мгновенно оказался перед ней, протянул длинную руку, ухватил Юху Хуаи за горло и приподнял над землей, не выказывая ни капли жалости.

Предыдущие события до сих пор заставляли сердце Ху Тяня трепетать от страха. Поэтому, услышав столь злобные речи Юху Хуаи, он испугался до разрыва селезенки.

Ноги Юху Хуаи внезапно оторвались от земли, дышать стало совсем тяжело, а в голове заплясали круги головокружения.

Вообще-то ее магическая сила считалась одной из сильнейших в клане. В обычных обстоятельствах она, конечно, уступала столь грозному Ху Тяню, но не оказалась бы побежденной так легко.

К сожалению, стоило представительницам их клана забеременеть, как материнский организм автоматически направлял всю внутреннюю силу на защиту и вынашивание ребенка во чреве, так что сейчас она практически лишилась своей магии.

Ху Тянь посмотрел на нее мрачным взглядом, и голос его прозвучал леденяще:

— Как думаешь, кто умрет быстрее — ты или твои проклятия сбудутся? М?

Юху Хуаи была женщиной сметливой и прекрасно понимала: если она сейчас сплоскает, то вполне может лишиться жизни от его рук.

На ее лице застыла жалкая, убогая улыбка. Она не понимала, почему полюбила такого мужчину и почему теперь этот любимый человек угрожает ей смертью?

Она же принцесса клана Юху! Единственная и самая благородная принцесса клана Юху! Тысячи и десятки тысяч выдающихся мужчин Мира Демонов жаждали взять ее в жены, так почему же она отдала все свое сердце мерзавцу, который от начала и до конца не питал к ней ни малейших искренних чувств?

Но она любила! Она так жалко и горестно любила мужчину, стоявшего перед ней!

На сей раз Юху Хуаи отчаянно закивала, смирив гордыню и показывая слабость. Она знала: пусть этот мужчина ни во что не ставит ее собственную жизнь, но о ребенке во чреве он все же до некоторой степени заботится.

Поэтому сейчас ее главной задачей было выжить в его руках. А все остальное... Злоба в душе Юху Хуаи уже нетерпеливо выпускала когти.

Для остального в будущем еще представится уйма времени!

Убедившись, что она стала более послушной, Ху Тянь наконец разжал пальцы и небрежно швырнул ее в сторону.

Глядя на женщину, которая прижимала руки к горлу и продолжала надрывно кашлять, Ху Тянь одернул полы одежды, ухватил ее за подбородок и глухо предостерег:

— Советую тебе вести себя тише. Ты ведь знаешь, что я, Ху Тянь, далеко не добрый добряк и со мной крайне трудно ладить. Если однажды ты посмеешь хоть пальцем тронуть его, я, Ху Тянь, клянусь...

Он сильнее сжал ее подбородок, заставляя женщину поднять голову и посмотреть ему в глаза:

— Погибнешь не только ты сама, но и все до единого миллионы сородичей твоего клана Юху. Пока я жив, никому из вас не видать спокойной жизни!

От его пристального взгляда Юху Хуаи почувствовала себя так, будто ее усыпали иголками. Краска страха полностью сошла с ее лица, губы побелели, и как бы она ни старалась сдерживаться, тело продолжало непрерывно дрожать, наотрез отказываясь сохранять хотя бы видимость спокойствия.

Ибо она знала: этот мужчина не преувеличивает, все сказанное им — чистая правда.

До встречи с Шань Жуном Ху Тянь был настоящим демоном-разрушителем. В те дни, когда он еще оставался несовершеннолетним демоном-лисом, а прочие сородичи ломали головы над простейшей техникой сокращения расстояний, он уже был способен в одиночку за одну ночь устроить кровавую бойню и вырезать целый клан медведей-демонов с Горы Бэйшань, которые ему не угодили.

Стоит заметить, что клан медведей-демонов превосходил их природно слабых лис-демонов как в искусстве создания оружия, так и в мастерстве владения магией.

И тем не менее Ху Тянь сумел вырезать их подчистую, проявив такую хладнокровность, что не пощадил даже новорожденных детенышей.

Ходили слухи, что если за последние несколько десятилетий он больше не совершал подобных злодеяний, то исключительно из-за Шань Жуна.

Не будь этой причины, глава клана Лисиц Снежной Горы, пожалуй, без малейших колебаний немедленно казнил бы Шань Жуна, едва узнав об их связи.

Лицо Юху Хуаи исказилось от гримасы: почему снова этот мужчина? Почему эта маленькая мразь вечно преследует ее, не давая покоя?

А в этот момент Юань Цзыжу, находившийся далеко отсюда по ту сторону Водяного зеркала,

услышав ее сокровенные мысли, забавно покачал головой:

— Разве не ты сама преследуешь Шань Жуна, не давая ему проходу?— Будучи опоздавшей, — Юань Цзыжу вздохнул, — это ведь ты вечно уводила у него мужчину!

В общем-то, смотреть тут было больше не на что. Юань Цзыжу щелчком пальца качнул Водяное зеркало, и оно мгновенно исчезло.

Он поднял шёлковый платок, бережно зажав его в обеих ладях, повернул голову и принялся тщательно вытирать ещё капающие длинные волосы.

Вообще-то это не было привычкой самого Юань Цзыжу — он извечно ненавидел лишние хлопоты, а потому обычно, когда волосы намокали, просто использовал заклинание, чтобы высушить их маной.

Именно такую живописную картину и застал Ху Тянь, когда вошёл в комнату.

Лунный свет, подобный белым полотнам шёлка, пробивался сквозь открытое окно и мягко ложился на Юань Цзыжу. Мужчина был облачен в белые ночные одежды, его угольно-чёрные волосы струились, словно атлас, а сам он окутывался тончайшим ореолом света, выглядя поистине неземным красавцем.

На самом деле Юань Цзыжу уже давно понял, что Ху Тянь вошёл, просто притворялся, будто ничего не замечает.

Спустя мгновение мужчина за его спиной приблизился, перехватил двигавшиеся руки Юань Цзыжу, забрал у него шёлковый платок, устроился позади и принялся бережно вытирать его влажные пряди.

Зажав длинные волосы в платке, он тщательно отжал оставшуюся между ними влагу, а затем запустил пальцы в гладкие пряди, неторопливо расчёсывая и распутывая образовавшиеся узелки. Юань Цзыжу подумал, что Шань Жун, обладай он хоть малейшей силой, мог бы в мгновение ока высушить длинные влажные пряди. Если тот не сделал этого, то, пожалуй, лишь для того, чтобы насладиться мгновением тепла.

Прикрыв глаза, Юань Цзыжу предавался удовольствию от нежной заботы того, кто стоял за его спиной. Но не прошло и мгновения, как он почувствовал: атмосфера в комнате неуловимо переменилась. Источником перемен был Ху Тянь, находившийся позади.

До слуха Юань Цзыжу доносилось тяжелое, прерывистое дыхание. Ху Тянь отчаянно пытался его сдерживать, но каждый новый вздох всё равно звучал громче предыдущего. Юань Цзыжу прекрасно понимал, какой именно сигнал подает ему этот человек.

Хотя сам он томился от жажды уже долгие миллиарды лет, Юань Цзыжу вовсе не горел желанием заводить мимолетную интрижку с тем, с кем в будущем его не свяжет ровным счетом ничего. К тому же в глубине души он и вовсе не ставил этого мелкого демона-лиса ни во что.

Поэтому, ощутив, как горячее дыхание вот-вот коснется его мочки уха, Юань Цзыжу решительно покинул это тело. Всё, что осталось позади, — лишь подсознательные инстинкты

прежней оболочки, продолжавшие сплетаться с безумной страстью Ху Тяня.

Юань Цзыжу уже давно понял: судя по всему, мужчины привлекают его куда больше. Потому что, если его гостьей оказывалась женщина, он неизменно испытывал сильнейшее отвращение к тому, чтобы вселяться в ее тело. А вот сплетение двух мужчин на постели — особенно когда столь прекрасное зрелище разыгрывали такие красавцы, как те, что перед ним, — всякий раз заставляло его обычно сдержанную кровь бурно закипать.

Юань Цзыжу неторопливо оперся локтем о стол, устроившись в кресле посреди комнаты, и с огромным удовольствием наблюдал за тем, как двое на кровати кувыркаются в простынях.

Пусть он и не мог испытать всё это на собственном опыте, но считал, что насладиться зрелищем — тоже неплохо.

В особенности потому, что во время своих утех эти люди частенько принимали самые разнообразные позы. Смотря на них, Юань Цзыжу то и дело изумленно ахал, глубокомысленно полагая, что ради плотских наслаждений человечество и впрямь способно приложить поистине колоссальные усилия.

В этот момент Юань Цзыжу держал в руке складной веер и изо всех сил обмахивал им свое лицо. Ему казалось, что перед лицом столь невероятных акробатических трюков, которые выделывали те двое, ему действительно нужно было как следует остудить голову.

— Ого-го, при таком положении сверху вниз, не сломает ли Шань Жун себе шею под его весом?

— Ай-яй-яй, надо же до такого додуматься! И как только они это делают? Поглядите-ка на гибкость этой тонкой талии! Сохраняя единение тел, Шань Жун ухитрился изогнуть свой изящный стан, развернувшись всем корпусом вокруг, и страстно поцеловал Ху Тяня, который был позади! Ой-ой-вой, неужели бывают такие свежие позы? На это действительно стоит взглянуть поближе.

Юань Цзыжу провёл практически всю ночь в подобных слюнявых бормотаниях.

На самом деле, после выхода из физического тела ему вовсе не обязательно было оставаться здесь — всё зависело исключительно от его собственного желания.

Тем временем Юху Хуаи, едва переступив порог, лицом к лицу столкнулась со своим старшим братом Юху Цинчжоу. Уклониться уже было поздно.

Едва увидев её, Юху Цинчжоу тут же нахмурился. Во взгляде, брошенном на неё, не было ничего от брата, смотрящего на родную сестру — напротив, от него веяло холодным равнодушием и даже скрытым отвращением.

Заметив странное выражение на её лице, он тем не менее не произнёс ни слова. Вместо этого он неподвижно заступил ей дорогу, словно не замечая попыток сестры ускользнуть, и в очередной раз завёл свою извечную пластинку:

— Сколько раз я тебе говорил: прекрати преследовать этого человека и устраивать балаган. Сколько раз за последнее время ты растоптала и втоптала в грязь достоинство клана Юху? Пересчитай-ка хорошенько!

Заметив, что Юху Хуаи покорно выслушивает упрёки, но на её лице нет и тени раскаяния, он впервые за долгое время прервал свой мягкий тон, и голос его резко стал суровым. Тебе мне уже лень объяснять, с чего это вдруг ты вздумала творить подобные непотребства. Но запомни раз и навсегда: появляясь на людях, сделай милость, сотри со своего лица это отвратительное выражение. Я тебе уже говорил: отец обо всем договорился со старейшинами клана лисиц насчет вашей свадьбы, почему же ты не можешь подождать всего несколько дней?

У Юху Хуаи и без того с самого утра было скверное настроение, и в этот момент, не выдержав, она принялась дерзить:

— Судя по твоим словам, так получается, что я иду к нему как раз вовремя и по абсолютному праву? Он мой будущий муж, почему же нам нельзя встречаться?

Юху Цинчжоу счел ее слова еще более отвратительными:

— Разве это подобает говорить девушке твоего положения? Не думай, что раз ты натворила мерзостей, то окружающие вокруг слепы и ничего не замечают. Они молчат лишь из страха перед твоей лисьей шкурой, опасаясь выносить сор из избы и ставить нас в неловкое положение. Или ты и впрямь возомнила это своей заслугой?

Покачивая в руке складным веером, он добавил:

— Впрочем, ладно, с тобой все равно толком не поговоришь. Раз уж так вышло, брат советует тебе вести себя благоразумно!

Он отвел правую руку с веером за спину, больше не взглянув на нее, прямо обошел ее стороной и зашагал дальше.

Юху Цинчжоу был человеком, чрезвычайно дорожившим правилами и приличиями, а потому никогда особо не жаловал эту младшую сестру, которую родители избаловали с самого детства и которая вечно знала лишь одно — потакать страстям и предаваться песням да танцам.

Он считал, что хотя внешне она и держится с напускным высокомерием клана Юху, в душе она способна лишь на подобные ничтожные глупости и совершенно не умеет держать себя в обществе.

На этот раз она и вовсе перешла все границы: зная, что у этого Ху Тяня уже есть законная жена, она все равно полезла к нему, да еще и бесстыдно носит под сердцем ребенка. Дело зашло так далеко, что теперь их южномэньская ветвь вынуждена буквально силой навязывать брак северным сородичам.

Об этом уже практически гудел весь белый свет, а она ведет себя так, будто ее это вовсе не касается. Для него, будущего главы клана, подобные прямые родственники поистине омерзительны.

Да и отец тоже хорош: прекрасно понимая всю абсурдность ситуации, он почему-то решил вместе с ней поступиться честью и достоинством. Казалось бы, стоило всего лишь избавиться от ребенка во чреве, чтобы замести следы этого позора. Но нет, он послушал ее и, наплевав на давнюю вражду между двумя кланами, действительно отправился свататься к Клан Лисиц Снежной Горы.

С каких это пор добродетельные девицы из благородных семей сами навязываются женихам? К тому же этот мужчина изначально к ней совершенно равнодушен! Тут уже не просто потеря лица — от собственной гордости не осталось и следа.

Покачав головой, Юху Цинчжоу беспомощно вздохнул. Раз уж повлиять на них он больше не может, то и возиться с этим желания нет — пусть творят что хотят! Посмотрим, как она запоет, когда потом горько пожалеет о содеянном.

В конце концов, при мерзком характере этого Ху Тяня — с чего вдруг отец решил, будто тот покорно подчинится лишь потому, что они договорились о свадьбе с главой лисьего клана?

Неужели, наслушавшись столько историй об этом человеке, нельзя было понять, что любые правила и знатные роды для него — пустой звук?

Вернувшись в свои покои в ярости, Юху Хуаи сперва от души отлупила маленькую служанку, которая вечно прислуживала ей при дворе, чтобы выместить злость. И лишь когда накопившаяся на сердце обида наконец нашла выход, она опустилась на тахту, прихватив чашку с чаем.

Лениво бросив взгляд на Ляньсян, которая все еще дрожала, распростершись на полу, она спросила:

— Где мои отец и мать?

Ляньсян робко ответила:

— Глава клана и госпожа изволили уйти.

Юху Хуаи снова без всякой причины вспыхнула:

— Что ты там бормочешь себе под нос, нельзя погромче? Тебя сегодня дома не кормили?

Она взмахнула рукавом и запустила чашкой прямо ей в голову. Кипяток обжег служанку, та задрожала всем телом, но перед Юху Хуаи посметь громко закричать не смела.

Зажав рот рукой и сглатывая срывающийся с горла тихий всхлип, Ляньсян, не обращая внимания на ушибленное лицо, несколько раз гулко ударилась лбом о пол и лишь после этого почтительно ответила:

— Докладываю госпоже: глава клана и госпожа отсутствуют в поместье.

Голос прозвучал гораздо четче прежнего, но все же не слишком громко.

Что же до того, что Юху Хуаи вечно величала себя принцессой, то это было лишь подражанием титулам знатных особ из мира смертных. На самом же деле и в родном клане, и во всем Мире Демонов все при встрече обращались к ней исключительно не иначе как госпожа.

— Мм. — Юху Хуаи словно бы осталась довольна и махнула рукой, отпуская ее.

На самом деле ей вовсе не было так уж важно знать, куда направились родители — она просто воспользовалась случаем выместить раздражение.

Прежде она провожала подобные сцены бесчисленное множество раз, а потому ничуть не мучилась совестью и не считала свое поведение чрезмерным.

В ее глазах все эти слуги были не более чем вещами, чье присутствие или отсутствие ничего не меняет. И раз уж им посчастливилось быть избранными для службы в главной резиденции клана Юху, это величайшая благодать, накопившаяся за несколько жизней, так что бить их или казнить — ее полная воля.

Вспомнив о сегодняшних неприятностях, Юху Хуаи подумывала устроить трепку Шань Жун, но ей все же не хватало на это смелости. Если говорить начистоту, она просто из тех, кто сильных боится, а слабых обижает. Но вспомнив, что совсем скоро она, пожалуй, сможет возвыситься благодаря ребенку и выйти замуж за члена семьи Ху, она гордо выпятила грудь и фыркнула: посмотрим, что этот ублюдок Шань Жун сможет сделать, чтобы помешать ей.

Последнее время Ху Тянь замечал, что в Шань Жун что-то изменилось: по сравнению с прошлым он перестал так сильно липнуть к нему.

К тому же последние несколько дней он каждый день куда-то уходил и возвращался только заночь. Когда Ху Тянь спрашивал его об этом, Шань Жун очень радостно отвечал ему:

— Я недавно завел нескольких хороших друзей.

Присев и держа завязанный в свежий лист лотоса увесистый сверток со спелыми плодами, он продолжал:

— Раньше я и не знал, что заводить друзей так весело. Неудивительно, что ты раньше часто пропадал вне дома.

Ху Тянь изначально хотел сказать ему еще что-нибудь, но, услышав это, не знал, как продолжить разговор, и лишь заученно улыбнулся:

— Вот как. И все же стоит быть осторожнее: ты еще не познал мир, вдруг тебя кто-нибудь обманет.

Шань Жун, который до этого был очень счастлив, услышав такие слова, тут же помрачнел и разозлился:

— Да что с тобой такое! Все они, очевидно, очень хорошие люди. С какой стати тебе можно нормально уходить с друзьями, а как доходит до меня, так сразу начинаются проблемы?

Он бросил сорванную с ладони ярко-красную ягоду и выпалил:

— Больше не буду с тобой разговаривать, все равно ты несешь одну чепуху. Хм!

С этими словами он круто развернулся и выбежал вон.

Ху Тянь бросился следом:

— Куда ты опять?

Шань Жун обернулся и махнул рукой:

— Пойду наловлю рыбы.

Услышав это, Ху Тянь решил больше не умничать, чтобы окончательно не утомить малыша.

Вернувшись к столу, он сидел там погруженный в оцепенение и чувствовал, что что-то действительно идет не так, но сколько ни думал, никак не мог понять что именно.

Испытывая смутную тревогу, от которой не находилось покоя, Ху Тянь в этот день совершил поступок, который раньше считал бы самым презренным.

Сегодня Шань Жун снова выглядел всюду воодушевленным и, едва бросив ему пару слов на прощание, убежал. Собравшись с духом, Ху Тянь в конце концов бесшумно увязался следом за ним.

Поразмыслив так и этак, он решил, что сможет успокоиться, только если тайком взглянет на этих его так называемых хороших друзей.

Следуя за Шань Жуном, Ху Тянь добрался до постоянного двора в городе и издали увидел, как на втором этаже в отдельной комнате несколько мужчин машут руками, подгоняя Шань Жуна подняться быстрее, и наперебой кричат, что ждут только его.

Через распахнутое окно Ху Тянь не сводил с них глаз. Он заметил, что вместе с Шань Жуном их было пятеро, они сидели в приватной комнате, перебрасывались кубками с вином и непринужденно беседовали. Наблюдая за происходящим до этого момента, Ху Тянь не находил ничего необычного и про себя даже подумал, что в последние дни он, пожалуй, и вправду слишком накручивал себя.

Хотя на этих молодых лисят, только-только принявших человеческий облик, Ху Тянь смотрел свысока, раз уж Шань Жун успел записать их в друзья, Ху Тянь решил: в конце концов, ничего страшного, если в будущем при встрече он станет относиться к ним чуть более вежливо, и на этом всё.

Ху Тянь уже собирался подождать, пока они закончат трапезу, чтобы посмотреть, куда они направятся дальше, твердо решив: если и в следующем месте не обнаружится ничего подозрительного, он просто вернется домой. В этот момент как раз послышался шум: те несколько человек на втором этаже, обнявшись за плечи и шумно галдя, вышли наружу.

Хотя Ху Тяню крайне не нравились любые телесные контакты Шань Жун с посторонними, видя, как тот весел, он все же подавил поднявшееся на дне души глупое раздражение.

Ху Тянь мгновенно скрылся за стеной и, переждав, пока компания пройдет мимо, не спеша последовал за ними.

Однако Ху Тянь никак не ожидал, что местом, куда они направятся дальше, окажется...

Глядя на стоящих внутри и снаружи заведения пестрых куртизанок в полупрозрачных одеждах, которые завлекали клиентов кокетливыми улыбками и многообещающими взглядами, Ху Тянь не только изумился до крайности, но и так разозлился, что его глаза слегка покраснели.

Не успев даже толком обо всем подумать, его тело на уровне рефлексов рвануло вперед.

Юань Цзыжу с самого начала знал, что Ху Тянь прячется неподалеку — точнее говоря, это

изначально было частью его плана.

С этого дня то, что Юань Цзыжу хотел, чтобы Ху Тянь увидел по-настоящему, и то, что Ху Тянь должен был увидеть по-настоящему, простиралось гораздо дальше.

Хотя Юань Цзыжу знал, что тот неотступно следует за ним, сейчас, увидев бросившегося к нему Ху Тяня, он все же изобразил испуг.

Заметив, как разъяренный Ху Тянь грубо отталкивает тех самых «друзей», что сопровождали его всю дорогу, Юань Цзыжу в ужасе замер на месте, не смея пошевелиться.

Но Ху Тяню этого показалось мало: со злости отвесив каждому из них по мощному пинку, он посчитал, что внутри тесно и развернуться негде, поэтому попросту вышвырнул их одного за другим из Дома Тысячи Цветов.

Прямо на оживленной улице перед зданием он избил их почти до полусмерти. Жестокость была такова, что даже глухой хруст ломающихся ребер в грудной клетке одного из них отчетливо слышали все зеваки, сбежавшиеся посмотреть на представление.

Если бы в конце концов Юань Цзыжу не протиснулся сквозь толпу и со слезами на глазах не попытался их остановить, с нравом Ху Тяня было бы весьма вероятно, что он прикончил бы их прямо посреди улицы.

В памяти Юань Цзыжу это был единственный раз, когда Ху Тянь сорвал злость на Шань Жуне.

<http://bllate.org/book/22153/2307659>